

Януш Пшимановский

Четыре танкиста и собака (фрагмент)

Книга первая

1. Тигриные уши

Второй раз за этот день они вышли на просеку. На влажной траве виднелись вмятины, оставленные зубцами колес проехавшего здесь трактора. Следы были похожи на отпечатки длинных когтей какого-то хищного зверя. Муссон, дувший с океана, утих. Дождь прекратился, но солнце было мутное и едва просвечивало сквозь тучи.

Старик остановился, с минуту осматривался, держа в руке штуцер, потом снова зашагал, свернув с просеки в лес. За стариком, опустив нос к земле, понуро плелась собака Мура. Янек замыкал шествие.

Сегодня им не везло. Правда, утром, как только они вышли из дому, Янеку удалось подстрелить двух фазанов, и теперь оба здоровенных петуха висели у него на поясе; их длинные яркие хвосты почти доставали до земли. Оба выстрела оказались меткими: пули, выпущенные из мелкокалиберки, с которой он зимой охотился на белку, попали в цель. Однако это была не та добыча. Им хотелось сделать запас мяса на несколько дней, чтобы потом можно было уйти подальше за Кедровую гору.

Просека осталась позади. Когда исчезли последние просветы между деревьями, старик стал забирать немного вправо, вверх по склону. Лес стоял стеной. Внизу росли темные грабы со скрученными стволами и тесно переплетенными толстыми ветвями, выше зеленели ясени, а наверху, там, где больше воздуха и света, в низкое небо упирались вершинами корейские кедры.

Пробирались медленно, бесшумно, раздвигая стебли дикого жасмина. Прошло довольно много времени, и наконец заросли поредели. Они вступили в сухой дубняк. Кое-где в него вкралась даурская береза. Здесь было светлее. Внизу отдельными островками буйно кустился орешник. Теперь склон просматривался

шагов на двадцать вперед, и старик повесил штуцер на шею. Янек понял, что это, как обычно, означает привал.

Они вышли на поляну, на краю которой лежал замшелый, сваленный ветром граб. Парнишка вынул из торбы, висевшей на плече, две краюхи пресного хлеба и кусок копченого сала. Оба присели рядом на стволе и начали есть. Острыми ножами с деревянными ручками отрезали тонкие, желтоватые от дыма ломтики сала, клали в рот, заедали их хлебом, неторопливо жуя. Эти одинаковые, спокойные движения делали их похожими друг на друга, как будто они были отец и сын или дед и внук, хотя, глянув на их лица, можно было сразу же определить, что не из-под одной крыши начались их пути-дороги. У старика была темная, обветренная кожа, глаза поблекшие, как у старого ястреба, скулы резко выпирали вперед, волосы, тронутые серебряными ниточками седины, особенно в бороде, завивались. Парнишка был светловолосый, голубоглазый, мелкокостный и гибкий, как ветка орешника.

Трапеза проходила в молчании: лес не любит ненужных разговоров. Скажешь лишнее слово, и может статься, что не услышишь треска сломанной ветки, шелеста, совсем не похожего на слабый порыв ветра, не услышишь звука, говорящего так много чуткому уху.

Старик протянул на ладони собаке кусок хлеба с салом; она взяла неохотно, одними губами: понимала, видно, что ей не положено, не заработала еще сегодня.

Янек вытащил из широкого кармана куртки Шарика, детеныша Муры, щенка с тяжелой головой и большими пушистыми лапами. Янек назвал его Шариком потому, что, когда пес появился на свет, он и в самом деле был похож на косматый клубок пепельно-серой шерсти. Янек дал ему немного поесть, а потом почесал за ушами, ласково потрепал за шерсть. Мура подошла к Янеку,лизала ему руку, словно поблагодарила за заботу о ее детеныше, и, по-собачьи улыбаясь, подняла верхнюю губу, отмеченную шрамом — след рысьего когтя.

— Кроме нас здесь еще кто-то охотится, — заговорил наконец старик. — Человек или зверь. Лес пустой, как выметенный.

И сразу же Мура подняла умный седеющий лоб, понюхала воздух.

— Смелей, смелей, — подбодрил ее охотник.

Она двинулась сначала нерешительно, виляя из стороны в сторону, а потом пошла прямо через орешник. Минуту спустя они услышали треск с противоположной стороны поляны и увидели, как что-то мелькнуло среди ветвей. Из-за ствола толстого дуба выскочили две тени. Мура — впереди, наперерез зверю. А чуть ближе к охотникам проламывался сквозь кусты здоровенный, отбившийся от стада старый кабан с высоким горбом, начинавшимся от шеи и сходившим на нет к хвосту, воинственно задранному кверху. Мура вырвалась вперед, подала голос и подскочила к кабану, готовая в любое мгновение распрямить свои ноги-пружины и оторваться от земли, чтобы избежать наскока зверя. Но она не заметила, что передними лапами попала на размякшую топь, засыпанную слоем дубовых листьев. Это и погубило ее: кабан настиг своего врага и сразу же, ударом головы, расправился с ним. В то же мгновение прогремел выстрел. Зверь вздрогнул, его передние ноги подогнулись, и он рухнул, словно сраженный ударом молнии.

Оба чувствовали, что случилось что-то неладное. Быстро двинулись, не забывая об осторожности: старик держал палец на спусковом крючке, а Янек сжимал в руке длинный охотничий нож.

Кабан был мертв. Мура лежала на боку, из-под нее текла кровь. Губы еще подрагивали, обнажая зубы. Старик опустился на колени, положил руку на лоб собаке. Пальцы его почувствовали, как коченело ее тело, как угасала в ней жизнь.

— Плохо. Хорошая ты была, Мура, хорошая, — сказал он ей, себе и лесу.

Щенок, учуяв кровь, попискивал в кармане.

— На трясину попала, — объяснил неизвестно для чего Янек.

— Каждый может попасть.

Янек разгреб мох широким лезвием ножа и выкопал продолговатую яму. Засыпал Муру землей, сверху навалил замшелый камень. Двумя ударами сделал засечку на коре дуба, чтобы не забыть место. Потом запустил руку в карман, погладил сидящего там Шарика, вытащил его, спустил на листья. Он смотрел, как песик неуклюже двигался, широко расставляя лапы, не в состоянии понять того, что случилось. И вдруг, как далекое эхо выстрела или как крик птицы из-за туч, Янека пронзило воспоминание: перед его глазами встали развалины родного дома, в нос ударил горький запах гари и искрошенной в пыль штукатурки.

— Один остался Шарик.

— Никто не остается один, хотя такое может случиться с каждым, — проворчал недовольно старик. — Пес остался у людей.

«Да, такое может случиться и с собакой, и с человеком», — подумал Янек. Он тоже остался один, почти один. От одиночества начал колесить по свету. Но того, кого искал, не нашел. И вот, когда ему было уже совсем плохо, он нашел дом. Этот дом не был похож на тот, в котором он вырос. Тот, каменный, стоял на берегу канала в портовом городе. Этот — сложенный из кедровых бревен, по вечерам поющий голосами сверчков и ветра в трубе, на берегу дикой, перекатывающей камни речки.

Он жил в новом доме уже третье лето. Многому за это время научился: ходить по следу неумоимо, как волк, определять по ветру погоду, различать запахи леса и животных, распознавать шорохи и читать следы, ходить бесшумно, ловко и быстро. Он научился так стрелять, что из мелкокалиберки попадал в глаз белки, не портя меха. Третье лето бродил он по лесным тропинкам. До сих пор он еще как-то не раздумывал над тем, куда ведут эти тропинки.

Солнце еще больше померкло. Тучи сползали вниз по склону. Заморосил дождь. Старик повесил на нижний сук штуцер и свою потертую куртку. Опустившись на колени около убитого кабана, он рукояткой ножа разжал ему челюсти и обнажил клыки. Пожелтевшие от времени, слегка выгнутые, как сабля, они были длиннее ладони.

Янек стал помогать старику. Вдвоем они вспороли кожу на животе, сделали надрезы на ногах и, помогая себе легкими, быстрыми движениями ножей, стали ее снимать.

Дождь усилился, зашелестел в вершинах деревьев; тяжелые капли скатывались с листьев на землю. Старик и Янек спешили. На разостланный рядом брезент положили окорока. Засучив рукава, они отделяли с задней части убитого кабана длинные полосы сочной филейной вырезки.

Вдруг маленький Шарик, кувыркавшийся рядом во мху и листьях, настороженно тьякнул и заворчал, учуяв, видно, какого-то крупного зверя. Это тьяканье прозвучало забавно-пискливо, как возглас ребенка, который, подражая взрослым, кричит «Пожар!».

— Смотри ты, — сказал старик Янеку, держа в руках кусок мяса, — как большой, лает...

Он не успел договорить. Янек услышал только, как кусок мяса шлепнулся на сухие листья. Стараясь не делать лишних движений, Янек осторожно повернул голову. Уголком глаза он увидел старика, замершего на согнутых ногах и сжимающего в руке длинный окровавленный нож. Охотник застыл в этой позе, сжавшись, словно пружина, пригнув голову. Шея у него налилась кровью.

Проследив за его взглядом, Янек посмотрел в сторону дуба. Между двумя кустами орешника, низко, над самой травой, он увидел плоский кошачий лоб, рыжие бакенбарды и две здоровые, зарывшиеся в сухих листьях лапы. Все это было неподвижно, и только хвост, длинный, упругий хвост, яростно хлестал по бокам.

Вот когда понял Янек, почему они не встречали сегодня зверей, почему Мура не отходила от ног охотника, почему чуткий, старый кабан ошалел от страха и выскочил прямо на них: в лесу охотился другой, более сильный, редкий гость, хозяин тайги и гор — уссурийский тигр. Учувя запах свежей крови, он пришел за добычей, которая принадлежала ему, за зверем, которого он выследил. И конечно, его удивило, что люди, эти неуклюжие и смешные создания, лишённые чутья, отваживаются находиться здесь и даже не думают бежать от него сломя голову вниз по склону. С начала войны, которая тлела вдоль границы, словно раскаленные угли подо мхом, время от времени прорываясь искрами выстрелов из засад, тигр иногда питался человеческим мясом и перестал бояться грохота. Наоборот, он шел на звук винтовочных выстрелов, рассчитывая на легкую добычу. И теперь, разъяренный до предела, он прикидывал расстояние до жертвы, напрягая все свои мускулы к прыжку.

Старик, не оборачиваясь и даже не дрогнув, прошептал:
— Ружье на суку... Осторожно... Бери!

Янек вскочил, руками ухватился за приклад и ствол. Сук обломился с сухим треском, и одновременно, словно раскат грома, над поляной пронесся тигриный рык. Янек обернулся и увидел взметнувшуюся красно-черную молнию и старика, отскакивающего в сторону. Остался лишь один шанс, всего одно мгновение, короткое, как удар сердца. Когда зверь передними лапами опустил на землю и прижался к ней, чтобы совершить следующий прыжок, Янек поймал на мушку белый зигзаг на темной шерсти и выстрелил между узких сверкающих глаз.

Огромная кошка перекувырнулась через голову, грозный рык оборвался.

Оба еще с минуту смотрели на тигра, не шелохнувшись, пока не убедились, что зверь неподвижен. Потом старик произнес:

— Готов. Да вот успел все-таки зацепить меня когтем.

Янек только теперь заметил на старике разодранный сапог и штаны, потемневшие от крови.

Старик опустился на землю. Янек подошел к нему, надрезал голенище сапога сверху, отвернул его вниз до щиколотки и, разорвав буро-зеленый индивидуальный пакет, такой, каким пользуются солдаты на фронте, туго забинтовал рану.

Охотник положил ему руку на голову. Лицо старика было бледно, губы посинели.

— Спасибо тебе, Янек.

— Что вы, Ефим Семеныч!.. За что? — Янек назвал его по имени-отчеству. Он почти никогда не обращался так к охотнику, потому что здесь, в горах, на сто километров в округе от сопки Кедровой, все его называли просто стариком.

— За жизнь спасибо.

— Это я вам... — Янек умолк. Слишком долго нужно было бы говорить, чтобы высказать все, однако оба они имели обыкновение не растрачивать зря слова, так же как и патроны.

Щенок, спотыкаясь о валежник и осторожно переставляя лапы по мокрым и скользким листьям, медленно приближался к тигру. Он сильно втягивал носом воздух, дрожал, от страха у него подкашивались задние лапы, но тяжелая упрямая голова толкала его вперед. Инстинкт, передаваемый из поколения в поколение с молоком матери, подсказывал ему, что враг мертв. Шарик собрал все свои силы, заворчал угрожающе и, ухватив за заднюю лапу поверженного гиганта, стал зубами дергать его за шерсть.

— Дай-ка сюда этого мальчика.

Янек взял щенка за шиворот, поднял вверх и подал его старику. Шарик сидел на широких, покрытых шрамами ладонях, словно шмель в чашечке мальвы. Семеныч раздвинул ему губы, заглянул в пасть, а потом стал чесать за ушами по шерсти, намокшей от дождя.

— Добрый, добрый пес из тебя вырастет. Остерег нас обоих.

— Что дальше делать будем? — спросил Янек. — Вы сможете идти?

Старик встал, сделал шаг вперед, потом назад и снова сел.

— Трудно. И мясо нельзя оставить. Я тут с Шариком постерегу его, а ты выходи на просеку.

Янек посмотрел вверх, отыскал мутный диск солнца, прятанный за тучами, — ему хотелось определить время.

— Он скоро должен подъехать, — сказал Семеныч.

Янек подал старику винтовку, которую до сих пор держал в руках, взял свою мелкокалиберку и широким шагом зашагал через поляну.

— Погоди!

Янек обернулся и увидел, что охотник, лежа на боку, взялся за тигриную голову и ножом отрезает уши.

— Иди сюда, — позвал старик, садясь. — Возьми и спрячь, это твое.

Янек подошел, нагнулся к протянутой руке и взял добычу. Затем обеими ладонями, как это делают китайцы, приветствуя дорогого гостя, придержал твердую руку старика.

Прорвавшись сквозь дождливую завесу, ветер донес издалека слабый ритмичный стук мотора, тяжело работающего на малых оборотах. Янек знал, что трактор, тащивший два прицепа, нагруженных кедровыми стволами, сейчас идет в гору. Скоро он поднимется на перевал у пяти грабов и станет спускаться в долину. Янек перепрыгнул через поваленный ствол на краю поляны и побежал легко, ровно, пружинисто. Он глубоко вдыхал бодрящий горный воздух, запах листьев, грибов и мхов. В кармане рубашки на груди лежали тигриные уши, и сердце его учащенно билось, радуясь удачному выстрелу.

Оставшись один с Шариком, старик достал из кармана кисет — потемневший мешочек из шкуры оленя, оторвал продолговатый клочок от аккуратно сложенной газеты, старательно свернул сигарку. Потом потрогал легонько повязку на ране, поудобней положил ногу, упершись стопой в приклад винтовки. Щенок бегал, насторожив уши описывая большие круги. Он нес службу, как настоящий, взрослый пес. Старик положил кисет в карман, достал огниво и фитиль, вставленный в гильзу винтовочного патрона, высек искру, раздул трут и прикурил сигарку.

2. Крик диких гусей

Они потеряли много времени, потому что старик не мог ступить опухшей ногой, и Янеку пришлось вдвоем с трактористом вести раненого под руки.

Потом Янек еще раз вернулся с просеки на поляну, чтобы снять шкуру с тигра и забрать мясо убитого кабана. На это ушло почти два часа.

Ехали медленно, осторожно, потому что тяжелые прицепы скользили по мокрой траве и грязи. Над задним колесом приспособили большую балку, подвесив ее на цепях, и Янек шел сзади, всем телом наваливаясь на более тонкий конец, когда спуск становился очень крутым.

Едва они выбрались со склона Кедровой на разъезженную грунтовую дорогу, как на землю опустилась ночь. Оставив у обочины тракта прицепы с дровами, поехали на одном тракторе — небольшом, смешном СТЗ с высокими задними зубчатыми колесами; свернув на боковую тропинку, пробегающую вдоль реки, направились прямо к дому старика.

Когда подъехали, на западе погасли последние красные отсветы на тучах, стало совсем темно. Тракторист включил фары. Прямые снопы света выхватили из мрака стволы деревьев и толстые ветви, нависшие низко, как соломенная крыша. Сбоку светилась рыжеватым светом разогревшаяся выхлопная труба, из нее вылетали красные искорки и разлетались в стороны и вверх.

Миновав два низких столбика и жерди ограды, подъехали к крыльцу. Тракторист остановил машину, сбавил газ. Мотор заработал на малых оборотах. Только сейчас оба, и механик и Янек, услышали, что двигатель стучит. Тракторист в сердцах выругался.

— Давай его в сарай, — посоветовал Янек.

Он сбросил шкуры и мясо, отнес их в сени, потом вернулся и помог старику сойти. Осторожно поддерживая, повел его вверх по ступенькам к двери. Погасли фары, мотор взревел и заглох. Его рокот сменился тишиной, нарушаемой шумом близкой, но невидимой реки. Тракторист быстро вернулся, и все трое вошли в просторную избу.

Здесь было тепло, пахло травами и шкурами зверей. Янек сдвинул в трубе вьюшку, разгреб жар в печке, подбросил хворосту. Появились веселые язычки пламени, их отблески запрыгали по

избе, выхватывая из темноты широкие лавки у стен, длинный стол, крашенный ящичек для пороха и пуль.

Все сняли с себя мокрые, набухшие от дождя куртки. Янек налил воды из ведра в котел и сунул его в жар. И только теперь вдруг вспомнив, что щенок спит в кармане куртки, вытащил его оттуда, отнес в угол на опустевшую подстилку Муры.

Тракторист сел, вытянул перед собой длинные ноги в забрызганных грязью сапогах, нагнул черноволосую кудрявую голову и стал жаловаться:

— Мотор стучит, плохо дело. Завтра надо побыстрее ехать, а мотор барахлит. Стучит. Слыхал, товарищ, как стучит? Пока починю, полдня пройдет, так и до ночи не доеду.

Старик не слушал его. Сидя на лавке у печки, он осторожно стягивал штанину с ноги, раненной тигром. Янек вышел в сени, принес мясо, отрезал ножом кусок. Повернувшись к трактористу, успокоил его:

— Не горюй. Ночь длинная, успеешь все наладить.

— Сил нет. Ночная работа — плохая работа. А дрова нужно завтра привезти.

— У тебя есть запасные вкладыши?

— Есть.

— Я все сделаю.

— А сможешь?

— Смогу.

Старик протянул руки к печке, погрел их немного, потом сказал:

— Оставь кастрюли, Янек. Я тут сам все сделаю, а как будет готово, позову вас.

Тракторист поднялся с лавки и вышел вместе с Янеком. Лампа была хорошая, под стеклом; она ровным кругом освещала грязь во дворе — дождь лил нещадно. Вошли в сарай, прикрыв двустворчатые двери. Янек стащил с сена брезент, расстелил его под трактором.

Оба работали молча, понимая друг друга без слов. Горячее масло тонкой струйкой стекало в ведро, окутываясь паром в желтоватом свете лампы. Стоя на коленях по обе стороны трактора, они подставили колоду, ослабили болты, вывернули их, сняли картер. Янек паклей обтер теплые шейки коленчатого вала.

— Тебя как звать? — спросил его тракторист.

— Ян Кос.

— Ян Кос? — повторил тот, осторожно и медленно выговаривая слова. — Трудное имя.

— А тебя?

— Григорий Саакашвили.

— Тоже нелегко запомнить.

— Я, брат, из Грузии. Понял? Эх какие там горы! А на этих горах снег белый, сверкает на солнце, как сахар, хоть языком лижи. А высокие какие! Видишь вот этот болт? А теперь посмотри на трактор. Здесь горы такие маленькие, как этот болт. А там горы такие же большие, как вот этот трактор.

Янек, лежа на спине под трактором, поочередно ощупывая руками подшипники, давил вверх, тянул вниз, но зазор был где-то в другом месте.

— Возьми рукоятку, проверни разок.

Григорий быстро выполнил просьбу, потом присел на корточки и заглянул под трактор, наблюдая, как Янек ловко отгибал щипчиками шпильки и ослаблял ключом болты.

— Старик сказал, ты тигра убил. Добрый, значит, ты охотник. А я вот вижу, ты и трактор знаешь. Бери этот трактор, садись на мое место. Я на фронт иду.

Янек подвинул лампу так, чтобы свет падал на лицо Григорию.

— Что, берут? — спросил он недоверчиво. — Тебе сколько?

— Девятнадцать. А тебе?

— Мне семнадцать, — соврал Янек, прибавив себе почти два года.

Теперь уже Григорий взял в руки лампу и осветил лицо Янека.

— Только семнадцать? Тигра убил, трактор знаешь... И таких не берут?

— Не потому. Я же не здешний, из Польши. Да и старика одного не могу оставить.

Григорий, как это часто бывает с людьми, бездейственно смотрящими на то, как работают другие, неожиданно почувствовал раздражение.

— Значит, война наша. А тебя эта война не касается. Вы тут шкурки снимаете с белок да с енотов.

— Снимаем. На комбинезоны для летчиков.

— Наш брат в окопах, а ты в тылу. Хитро.

Янек вывернул последний болт, снял вкладыши подшипника и положил их на брезент. Потом вылез из-под трактора и встал против Григория.

— Хитро, говоришь? А кто первый с Гитлером бился? Началось у нас, на Вестерплатте.

— Вестер... И не выговоришь. Что это такое? Что оно, по-немецки называется? Ваша война давно кончилась. Я знаю, вас за две недели разбили.

— А ты сам-то умеешь драться?

— А то как же!

— Тогда становись!

Янек отставил лампу на кучу клепок, приготовленных для кадки.

Слегка наклонившись вперед, оба неподвижно стояли друг против друга, взерошенные, словно два петуха. И вдруг бросились. Григорий был намного выше ростом. Он схватил Янека за голову и подогнул его под себя. Янек, падая, поджал ноги и, едва коснувшись спиной земли, с силой выпрямил их, отбросив Григория к стенке сарая.

Оба вскочили, тяжело дыша.

— Еще хочешь?

— Хочу!

Тракторист первый бросился вперед. Янек отработанным движением прыгнул ему под ноги и повалил его на землю.

Они снова вскочили и опять молча стали сходитья, но вдруг их остановил неожиданно принесенный с высоты ветром рокот моторов.

— Летят, — произнес Саакашвили.

— Патрулируют. Японцы близко. На том берегу Уссури...

Они как-то сразу забыли друг о друге, о том, что только что дрались, и мускулы их расслабились. Оба одновременно вышли из сарая и остановились у дверей, запрокинув вверх голову.

Небо на западе немного прояснилось, мерцали звезды. Не видя самолетов, ребята угадывали направление их полета по короткому угасанию звезд. Рокот отдалялся, растворяясь в шуме ветра.

Оба вернулись в сарай.

— Еще будем драться или с тебя хватит? — спросил Янек.

— Нет, хватит, глупо все это. Моя война, твоя война — одна война. Бери мой трактор, когда я уйду на фронт.

Они замолчали. Янеку хотелось объяснить Григорию, как близко касается его война, бушующая где-то далеко на западе, в десяти тысячах километров отсюда. Но он не знал, с чего начать, и боялся, что ему трудно будет облечь в слова то, о чем он думал.

— Ребята! — позвал их в это время старик.

Они обмыли руки в керосине, обтерли их мокрой землей, потом сполоснули водой из-под желоба. Захватив лампу, вошли в избу. Здесь на столе уже лежали теплые ржаные лепешки, а на жестяной тарелке дымилось приготовленное мясо кабана.

Поели в молчании. Потом Янек принес закопченный чайник, налил в две кружки чаю, а у третьей остановился.

— Чай горький. Сахар у нас кончился. Будешь пить?

— У меня есть немного, — ответил Григорий, достал из кармана тряпочку и развернул. — Один кусок остался. Дай нож!

Он расколол сахар черенком, дал каждому понемножку. Пили, положив кусочки за щеку.

В углу проснулся Шарик и стал попискивать. Тракторист сгреб на ладонь сладкие крошки, прошел в угол и радостно произнес:

— Такой маленький, а дерзкий. Лижет сахар, как большой, да еще зубами пальцы мои пробует.

Осчастливленный щенок весело залаял, завилял хвостиком. Янек наблюдал за ним с улыбкой некоторое время, потом принес тулуп, расстелил его на лавке и сказал Григорию:

— Ложись, спи. Остальное я сам доделаю.

Саакашвили расстегнул ремень, разделся и, подложив руку под кудрявую голову, проговорил сонно:

— Сон после работы — хороший сон. Тепло тут, мягко, над головой не капает, а все-таки по-настоящему можно только у нас, в Грузии. Там, бывало, ложишься, ставишь около себя кувшин вина; двери открыты настежь, ночь входит в дом, звезды входят в дом...

— Через дверь или через сон?

— Как звезды входят? И через дверь, и через сон. Это все равно.

В избе наступило молчание. Старик решил закурить, протянул руку за газетой, лежащей у лампы, но не достал. Янек

поднялся, чтобы подать ее старику. Бросив взгляд на сложенную бумагу, он вдруг задержал ее на ладони.

— Я возьму ее себе? — спросил он старика.

— Ты что? Курить хочешь?

— Нет, я вам другую газету принесу. Ладно?

— Ладно, — согласился охотник.

Янек спрятал газету на груди, в тот самый карман, где лежали тигриные уши. Посмотрел, не нужно ли еще чего сделать в избе, но старик махнул рукой, показывая, что он может идти.

Теперь он был наедине с трактором в пустом сарае. Заложил новые вкладыши в подшипник, смазал их маслом, поставил на место и, крутнув два раза рукояткой, снова вынул. При свете лампы он увидел, какие части серебристого сплава точно подходят к форме коленчатого вала: в углублениях остались следы масла. Острым плоским ножиком он снимал аккуратные, тонкие стружки мягкого металла, подгоняя части друг к другу.

Эту операцию он терпеливо проделал во второй, третий и пятый раз, пока вся поверхность не стала гладкой и чистой, равномерно покрытой тоненькой пленкой масла. Его так и подмывало заглянуть в ту газету, которая была спрятана у него в кармане, потому что в избе он прочитал всего два слова из того, что его заинтересовало, но он решил, что сделает это только после работы, когда все закончит...

Дождь утих, и сквозь щель в крыше теперь стал виден острый рог молодого месяца, повисшего над горами. Янек задумался. Тот ли самый это месяц, что несколько лет назад касался верхушек мачт на судах, стоявших в порту? Тот ли это месяц, который отражался в водах залива и Вислы, рукавами сбегаящей в море?

Тихо скрипнули от ветра двери сарая. Этот скрип заставил Янека вздрогнуть и отвлечься от своих умелей. Он снова залез под трактор, в последний раз поставил подшипники. Подвесил картер, залил масло. Запустив мотор, дал поработать ему на малых оборотах. Потом выключил зажигание, подождал, пока стечет лишняя смазка, и через отверстие просунул руку в картер, пальцами нащупал подшипник, чтобы определить, не греется ли он. Все было в порядке.

Когда-то, в то время, которое Янек называл словом «раньше», он в таких случаях подходил к отцу и говорил: «Готово».

И тогда отец вставал и шел смотреть. Проверял придирчиво, независимо от того, был ли это медвежонок, которому Янек пришил новую лапу, модель самолета или велосипед. Потом он выпрямлялся и с улыбкой, светившейся в его серых глазах, протягивал сыну руку и говорил: «Хорошая работа».

Так было «раньше». С тех пор как Янек остался один, минуло уже почти четыре года. Он вдруг почувствовал, как устал за эту бессонную ночь, как болит шея после борьбы с Григорием. Невесело улыбнувшись самому себе, Янек подумал, разбудил ли Григория шум мотора, или он спит крепко и сладко, так, как спят у них в Грузии, и к нему во сне спустились с далекого неба грузинские звезды.

На дворе похолодало, и у самой земли, под деревьями, под изгородью, бесшумно полз от реки предутренний туман.

В сенях Янек погасил лампу, понюхал ладони, которые все еще пахли металлом, маслом и керосином, хотя он и мыл их долго. Осторожно придерживая дверь за скобу, чтобы не заскрипели петли, он на носках вошел в избу. Подойдя к печке, щепкой, обугленной с одного конца, сгреб в сторону с красных головешек пепел, достал из кармана газету и осторожно развернул ее.

С правой стороны газеты, внизу, как раз в том месте, которое его больше всего интересовало, не хватало клочка. Приблизив к глазам газету, Янек придвинулся к тлеющим углям и, почувствовав на лице исходящее от них тепло, стал читать.

— Янек!

Он вздрогнул. Значит, старик не спит.

— Что, Ефим Семеныч?

— Прочитай вслух. Этот спит без задних ног, его не разбудишь.

Янек заколебался. Почувствовал, как кровь прилила к голове, словно его застали на месте преступления. Прошла томительная минута, прежде чем он овладел собой и начал читать:

— «Сообщение о согласии Советского правительства на формирование польской дивизии... — Конца заголовка не было, а потом мелким шрифтом шло: — Совет Народных Комиссаров СССР удовлетворил ходатайство Союза польских патриотов в СССР о формировании на территории СССР польской дивизии имени Тадеуша Костюшко для совместной с Красной Армией

борьбы против немецких захватчиков. Формирование польской дивизии уже...»

Янек отодвинулся от углей, медленно сложил газету и произнес:

— Это все. Немного не хватает, оторвано.

Снова в избе воцарилась тишина, только слышно было, как ровно и спокойно дышит Григорий Саакашвили, тракторист из Грузии, да время от времени тревожно попискивает во сне Шарик, тоскуя, видимо, по материнскому теплу Муры, которая так внезапно исчезла из его жизни. Молчание длилось долго. Наконец старик спросил:

— Останешься, пока я на ноги не встану?

Янек подошел к нему, присел на край лавки, застланной шкурами.

— Останусь.

— До первого снега заживет, а тогда я уж смогу сам ходить, не задержу... — Охотник говорил медленно, неторопливо. — Считай, уже почти два года, как мой Ваня на войну ушел. Постарше тебя был, да ты помнишь его... Только пуле все равно, кто старше, кто моложе... А удерживать тебя не стану.

Конец ознакомительного фрагмента

Эту книгу Вы можете взять:

- в отделе абонемента по адресу г. Оренбург, ул. Правды, 7
- в читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20.

Получить доступ к электронной версии книги Вы можете в электронном читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20, 2 этаж.